

СИМВОЛИКА ЕДЫ В МИРЕ «ВИДЕНИЯ О ПЕТРЕ ПАХАРЕ»

© 2021 г. В.С. Сергеева

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 02 марта 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 29 апреля 2020 г.

Дата публикации: 25 июня 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-28-49>

Аннотация: Аллегорическая поэма «Видение о Петре Пахаре» У. Ленгленда представляет собой одно из ключевых произведений средневековой религиозной литературы. В числе ее важнейших эпизодов — сцены, связанные с пищей и питьем. Сакральный смысл еды в поэме задан контекстом средневекового богословия, выросшим вокруг евангельских образов («Я ем хлеб жизни» и т. д.). Каждый раз, когда герои едят или пьют, происходит процесс реализации определенных христианских истин — либо, напротив, отвержения их, поскольку избыток «хлеба насущного» ведет к духовной глухоте. Чревоугодие неразрывно связано с лицемерием — и в мире поэмы оно предстает не только как обжорство, но и как отказ от христианского образа жизни. Чревоугодник расточает добро, которое мог бы раздать нуждающимся, а также богатства своей души; а если он принадлежит к ученому сословию, то лишает «малых сих» и духовной пищи. Обыденные события и поступки У. Ленгленд включает во вневременной библейский нарратив, тем самым актуализируя их для всех своих читателей-христиан. В результате такой организации текста эпизоды, связанные с едой, оказываются точками схождения сквозных тем поэмы (христианская жизнь, любовь, милосердие, познание).

Ключевые слова: У. Ленгленд, средневековая литература, английская литература, видение, композиция, комментарий, богословие.

Информация об авторе: Валентина Сергеевна Сергеева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4693-7723>

E-mail: yogik84@mail.ru

Для цитирования: *Сергеева В.С.* Символика еды в мире «Видения о Петре Пахаре» // *Studia Litterarum.* 2021. Т. 6, № 2. С. 28–49.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-28-49>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 2, 2021

FOOD SYMBOLISM IN THE WORLD OF VISION OF PIERS PLOWMAN

© 2021. Valentina S. Sergeeva

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: March 02, 2020

Approved after reviewing: April 29, 2020

Date of publication: June 25, 2021

Abstract: W. Langland's allegorical poem *Vision of Piers Plowman* is one of the key works of the medieval religious literature. Scenes of eating or drinking are among its most important episodes. The sacral meaning of food in the poem originates in the context of medieval theology appearing around certain evangelic images ("I am the bread of life," etc.) Each time when the characters eat or drink the realization of Christian dogmas is having place, or, on the contrary, they are refused, because the abundance of "daily bread" leads to spiritual deafness. Gluttony goes hand in hand with hypocrisy, and in the world of the poem it appears not only as over-eating but also as rejecting any real Christian practice. A glutton wastes goods he could give out to the needy, as well as the treasures of his soul; and if he is of the learned, he deprives the "little ones" of their spiritual repast, too. W. Langland includes everyday events and doings into the supertemporal Bible narrative, thus actualizing them for all his Christian readers. As the result of such text organization, food-related episodes appear to be linking spots for the main themes of the poem (Christian life, charity, love, knowledge).

Keywords: W. Langland, medieval literature, English literature, vision, composition, commentary, theology.

Information about the author: Valentina S. Sergeeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4693-7723>

E-mail: yogik84@mail.ru

For citation: Sergeeva, V.S. "Food Symbolism in the World of *Vision of Piers Plowman*." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 2, 2021, pp. 28–49. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-28-49>

Станем есть и пить, ибо завтра умрем!

(1 Кор 15: 32)

Английская аллегорическая поэма «Видение о Петре Пахаре» (возможно, оставшаяся незаконченной) была создана в 70–90-е гг. XIV в. Сведения об ее предполагаемом авторе, Уильяме Ленгленде, скудны: они содержатся в нескольких биографических (или квазибиографических) пассажах внутри самой поэмы, а также в позднейших примечаниях к спискам «Видения...». Поэма состоит из восьми видений и пролога (каждое видение — это сон, в некоторых есть также «сон во сне»). Повествователь по имени Уилл¹ странствует, встречаясь с аллегорическими персонажами, каждый из которых толкует ему смысл ключевых понятий христианской веры. Уилл становится очевидцем основных событий жизни Христа и, наконец, картины апокалипсиса. Центральный образ поэмы — Петр Пахарь, который сначала предстает рассказчику в виде скромного благочестивого крестьянина, однако по мере развития сюжета оказывается самим Христом.

В зарубежном литературоведении «Видению о Петре Пахаре» и различным его аспектам (культурно-историческому контексту, проблеме жанра и стиля, библейским сюжетам и образам поэмы) посвящено множество работ². Наиболее полным и подробным на нынешний момент считается монументальный пятитомный комментарий к трем основным автор-

1 Will, что также может быть истолковано как «воля, желание, побуждение».

2 Еда в Средние века, ее социальное, культурное и идеологическое значение — также актуальное направление исследований в рамках cultural studies. См., например: [9; 12; 14; 18; 21; 23; 30].

ским версиям «Видения...», выпущенный издательством Пенсильванского университета в 2006–2011 гг. (так называемый Penn Commentary) [19]. Приведем также некоторые примеры, отражающие, как нам представляется, основные тенденции в изучении «Видения...» в современном англо-американском литературоведении. Так, поэме У. Ленгленда в контексте актуальных религиозных течений XIII–XIV вв. посвящена книга Л.М. Клоппера “*Songes of Rechelesnesse: Langland and the Franciscans*” [11]; религиозный и политический радикализм поэмы, ее сатирическая тематика, нашедшая свое отражение в посланиях Джона Болла, проанализированы в книге К. Маршалл “*William Langland: Piers Plowman*” [15]; об идее «встречи с Богом» и о духовном поиске, напоминающем «квест» рыцарского романа, пишет Ш. Клаттербак (“*Encounters with God in Medieval and Early Modern English Poetry*”) [12]. О Ленгленде в общекультурном христианском контексте идет речь в эссе Д. Аэрса “*Beyond Reformation?*” [6], о природе аллегоризма «Петра Пахаря» — у Э. Астелл (“*Political Allegory in Late Medieval England*”) [9], Д. Аэрса (“*Piers Plowman and Christian Allegory*”) [7], Дж. Кроуфорда (“*Allegory and Enchantment: An Early Modern Poetics*”) [13], Г. Пэтч (“*The Allegorical Characters in Piers Plowman*”) [17] и пр. Ряд ключевых вопросов, возникающих в процессе изучения поэмы, нашел свое отражение в сборнике 2001 г. “*William Langland’s Piers Plowman: A Book of Essays*” [20] (проблемы источниковедения, целевая аудитория «Видения...», его влияние на современную Ленгленду культуру, авторская концепция аллегории, структура и композиция поэмы, образы отдельных персонажей и т. д.)³.

В отечественном литературоведении первопроходцем в изучении «Видения...» стал специалист по истории средневековой Англии Д.М. Петрушевский (1863–1942), выпустивший перевод (не стихотворный, а буквальный) первых семи частей поэмы со своим комментарием, в основном в социокультурном ключе [24]⁴.

Авторская интенция У. Ленгленда — восстановление связи между обыденным человеческим существованием и событиями библейской исто-

3 Этот сборник особенно интересен тем, что в нем ярко представлены различные подходы — от классической компаративистики до *queer studies*.

4 Говоря о поэме в контексте современной ей литературы, необходимо отметить также [1; 3; 4].

рии⁵. Введение повседневной жизни в рамки вневременного священного сюжета позволяло ставить перед читателем вопросы, требующие максимально серьезного к ним отношения. В первую очередь — «что должна представлять собой жизнь христианина» и «отчего христианское общество на протяжении тысячи лет не может достигнуть совершенства». Поэтому даже те эпизоды «Видения...», которые представляются нам сугубо бытовыми, надлежит читать как аллегорические.

Красочные параллели между духовным и телесным голодом (и, соответственно, насыщением) с достаточной вероятностью почерпнуты автором у Блаженного Августина. Нужно отметить, что Ленгленд вообще, как правило, не «выдумывает» свои образы — они возводятся к библейским или святоотеческим источникам. В «Исповеди» Августина желание приблизиться к Богу уподоблено голоду; пища становится метафорой знания и духовного просвещения, а процесс богопознания предстает как поглощение в самом буквальном смысле.

Внутри у меня был голод по внутренней пище, по Тебе Самом, Боже мой, но не этим голодом я томился, у меня не было желанья нетленной пищи не потому, что я был сыт ею: чем больше я голодал, тем больше ею брезгал <...>. Передо мною продолжали ставить эти блюда со сверкающими призраками; лучше было, конечно, любить это солнце, существующее в действительности для нашего глаза, чем эти выдумки для души, обманутой глазами. И, однако, я ел эту пищу, думал, что Ты здесь: без удовольствия, правда, потому что я не чувствовал у себя на языке подлинного вкуса Твоего: Тебя не было в этих пустых измышлениях, и я от них не насыщался, а более истощался [22, pp. 30, 35].

Сходную образность мы находим и в проповеди Августина (№ 229), посвященной Пасхе: в ней детально объяснено метафорическое тождество между выпечкой хлеба и существом христианина.

5 Следует отметить, что события, которые довелось застать У. Ленгленду, с вероятностью наводили его — как и многих его современников — на мысли о близком конце света. Это и эпидемия чумы (Черная Смерть), и голод, и церковный раскол 1378 г., и крестьянская война 1381 г. Апокалипсические настроения в это время были очень сильны.

Вспомните, чем эта вещь не так давно была в поле; земля произвела ее, дождь питал, пока не завязался колос; затем человеческие руки отнесли его на гумно, обмолотили, провеяли, поместили в амбар, вывезли, смололи, сделали тесто, испекли и совсем недавно обратили в хлеб. Теперь вспомните себя: вы не существовали, и вас создали, отнесли на гумно Господа, где вас обмолотили быки, то есть проповедники Евангелия. В ожидании крещения вы были как зерно, хранимое в амбаре. Вам дали имена; и вы прошли через жернова поста и изгнания злого духа. Потом пришли вы к воде [крестильной купели], и вас замесили и сделали единым тестом. Испечены вы были жаром Святого Духа и сделались хлебом Господним⁶.

Но все эти образы, в свою очередь, заданы библейским «ибо Плоть Моя истинно есть *пища*» (Ин. 6: 55). Подлинным хлебом является сам Христос, «тот Хлеб, Который посеян в Деве, заквашен в плоти, приготовлен в Страстях, в печи Гроба испечен, в церквах положен, принесен на алтари, служит ежедневно небесной пищей верным» (так пишет богослов V в. Петр Хрисолог) (цит. по: [2]). Пахарь в аллегорическом пространстве «Видения...» — тот, кто снабжает людей едой в буквальном смысле (без труда крестьянина-земледелца настанет голод) и в сакральном (Петр Пахарь оказывается Христом, собирающим пшеницу в Свою житницу, ср.: Мф. 13: 24). От хлеба насущного — к хлебу священному, причастию.

Эпизоды, связанные с едой и питьем, становятся важными смысловыми точками поэмы: в них возникают ключевые темы «Видения...» (любовь, милосердие, божественный образ в человеке, истинное и ложное знание). Их кульминацией, видимо по авторскому замыслу, должна была стать сцена в Церкви Единства (Unitee, амбаре, который выстроен на поле Петра Пахаря), куда многочисленных персонажей «Видения...» приглашают на пир, т. е. для принятия причастия — чего, впрочем, по ряду причин не происходит.

Я не страшусь, — сказал Совесть⁷, — что Гордыня придет. Владыка Похоти будет изгнан во время этого поста, я надеюсь. Придите, — сказал Со-

6 Перевод мой. — В.С. (см.: [28]).

7 Совесть, Вера, Терпение и многие подобные персонажи у У. Ленгленда — мужского пола.

весь, — вы, христиане, которые так верно трудились в пост, и ешьте. Вот благословенный хлеб, и в нем тело Господа...⁸

Но если в данном эпизоде сакральный смысл ясен («сие есть тело» и проч.), то в менее очевидных случаях задача читателя — самому пройти от бытового прочтения к аллегорическому. Социальное бытописание поэмы, нередко имеющее сатирическую окраску, подводит к логичной мысли: мир производит апокалипсическое впечатление, поскольку люди, которым была открыта великая истина, отреклись от нее. Следуя логике автора, на вопрос «отчего страдают и голодают бедняки» следует ответить не «оттого что их угнетают богачи», а «оттого что люди, называющие себя христианами, не ведут христианский образ жизни».

Сам повествователь в конце концов нечувствительно входит в библейский нарратив и продолжает движение уже в нем. Священная история — это не то, что навсегда осталось в прошлом и может привлекаться лишь как источник нравственных примеров. Для автора аллегории она продолжает разворачиваться здесь и сейчас; каждый человек — брат Христа, через общее сыновство Богу, и сам хриstopодобен. Материальное не является «низким» и не нуждается в искусственной сакрализации, духовное не гнушается материального: материя освящена присутствием Бога. Происходящее в «средеземелье» (*middel-erthe*) и события высочайшего духовного уровня суть звенья одной цепи. Практически каждый раз, когда герои «Видения...» едят и пьют, это не просто физиологический процесс насыщения, хотя и в бытовом плане эти эпизоды могут вносить дополнительные нюансы.

Насколько значимыми могут оказываться эти детали на обоих уровнях, несложно проиллюстрировать следующим примером. Явившись на исповедь к Совести, Стяжательство повествует о своей супруге Розе, которая варит эль на продажу:

8 Здесь и далее приводится подстрочный перевод по изданию [30].

Peny ale and puddyng ale	Penny-ale and pudding-ale	I buy her barley that she
She poured togideres,	she poured together	brews for sale,
For laborers and for lowe folk	For labourers and for low folk	Thoroughly mixing up thick
That lay by hymselfe.	that was kept by itself.	ale with thin
The beste ale lay in my bour,	The best ale lay in my bower	For laborers and lowly folk
Or in my bed-chambre;	or in my bedchamber,	drinking alone,
And who so bummed therof,	And whoso tasted thereof	While the pure ale is put in
Boughte it thereafter,	bought it thereafter	the parlor or bedroom
A galon for a groate...	A gallon for a groat...	So that those who taste it are

[26, p. 67]

tempted to buy

At a groat a gallon...

[27, p. 78]

Для человека иной эпохи и уж тем более иной культуры требуется реальный комментарий, позволяющий понять, что здесь в принципе происходит. Нам нужно знать, во-первых, что такое penny ale и puddyng ale, а во-вторых, что означает «галлон за грот». В приведенном переводе 1895 г. сам текст лишь адаптирован к современному состоянию языка; в свою очередь, перевод 2014 г. можно назвать «разъясняющим». Действительно, penny ale был зачастую разбавлен (thin), и пили его в основном люди небогатые; pudding ale был полон не успевшей осесть гущи (thick) и потому считался низкокачественным. Хороший же эль Розы продает по изрядно завышенной цене: грот составляли четыре пенса, а галлон (около 4,5 литров) эля в 70-е гг. XIV в. стоил не больше полутора пенсов. То, что было очевидно для англоязычного читателя еще в конце XIX в., сейчас нуждается в комментарии: Розы нечиста на руку, и в общем контексте «Видения...», бичующего всякого рода мошенников, особенно тех, кто обманывает бедняков, этот эпизод становится ясен.

Однако для возвращения его в аллегорическую плоскость надлежит учитывать место Стяжательства в системе смертных грехов. Перед читателем предстают не просто образы жуликоватых торговцев, чьи действия подлежат чисто юридической оценке, но людей, напрямую нарушающих Христову заповедь милосердия («Так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне», Мф. 25: 45). К этой теме У. Ленгленд возвращается неоднократно.

Однако богатые, которые раскаиваются и помогают бедным, и живут по закону, и сохраняют верность, будут утешены Христом в Его доброте, и им дважды воздастся, если они проявляют милосердие.

С одной стороны, мошенничество есть нечто происходящее в плоскости человеческих отношений, а с другой — опыт несостоявшегося богообщения. «Человеческое», общежительное толкование напрямую связано с анагогическим (каждый «меньший», нуждающийся в сострадании, и есть Христос), поскольку речь в обоих случаях идет об одном и том же — о деятельной братской любви⁹.

Кроме того, можно предположить, что Стяжательство — не просто отвлеченный образ порока, но и свойство самого Уилла. Покаяние предыдущего персонажа — Гнева — завершается словами: «Он (Совесть. — В.С.) сказал: “*Esto sobrius*”, — и грехи отпустил мне». И это тем более актуализирует происходящее: описываемое важно не для какого-то абстрактного христианина, а для каждого человека, которому, хотя бы в зародыше, свойственны и стяжательство, и гнев, и лень, и зависть.

Стяжательство есть не просто хлеб, добытый неправедно, а *wastel* — белый хлеб из лучшей муки. Становится очевиден масштаб неправедного богатства — пшеничный хлеб в это время не является повседневной едой даже для дворян. В переводе 1895 г. этот термин заменен словом *sake* (пирог), а в переводе 2014 г. вовсе опущен. Эта деталь характеризует персонажа и является выражением авторской позиции (аналогично русской поговорке «от трудов праведных не нажить палат каменных»), но главное — служит развитием темы искушения хлебом, телесного благополучия, становящегося непреодолимым соблазном. Добро, накопленное Стяжательством, оказывается смертельной ловушкой для души.

*Servus es alterius,
Dum fercula pinguia quaeris;
Pane tuo potius
Vescere, liber eris*¹⁰.

9 «Отец наш и брат наш», пишет Ленгленд, имея в виду Бога-Отца и Христа.

10 Кому попало служит
Прозящий пирога;

Человек, ищущий земного насыщения, *вынужден* быть слугой, в то время как подлинное служение ближнему — акт свободной воли. Об этом свойстве человека, приближающем его к Богу, У. Ленгленд также говорит не раз.

Хоть тело и колеблется, как лодка на воде, о, твоя душа в безопасности, но, если ты захочешь сам совершить смертный грех и утопить таким образом свою душу, Господь стерпит твой поступок, раз тебе того хочется. Ибо Он дал нам дары, чтобы мы управляли собой, и это разум и свободная воля.

Тема проницаемости границ между материальным и нематериальным, человеческим и божественным (эта проницаемость, в том числе, воплощена в самом человеческом облике, который принимает Христос во время пребывания на земле) присутствует в следующем «гастрономическом» эпизоде поэмы. Его интерпретация интересна и с точки зрения средневековых реалий — более того, их понимание, как в случае с Розы, нужно для полноты картины — однако ими содержание не ограничивается.

Чревоугодие, отправляясь в церковь на мессу, останавливается поговорить со знакомой трактирщицей Бетти; та сообщает ему: «У меня есть перец, семена пиона, фунт чеснока и на фардинг семян укропа для постных дней». Специи зачастую использовали при приготовлении напитков, а семена не считались полноценной едой, поэтому употреблять их для перекуса в постный день было вполне допустимо. Однако интереснее всего здесь упоминание чеснока — трактирщица говорит о нем не как о добавке к блюду, а как о самостоятельном продукте, притом достаточно привлекательном для клиента. С точки зрения средневековой медицины, чеснок считался противоядием, а кроме того, профилактическим средством от отравления сомнительными напитками.

Судя по всему, клиентам Бетти есть чего бояться. Это вполне достоянная характеристика ее заведения; неудивительно, что Чревоугодие напивается там до беспамятства и пропускает мессу. Жена и служанка вынуждены отнести его домой и уложить в постель. И здесь продукты питания

Кому довольно хлеба,
Тот сам себе слуга.

(Стих. перевод мой. — В.С.)

служат не просто бытовыми деталями, показывающими читателю, какой вред здоровью наносит неумеренность. Злоупотребление едой и питьем пролагает дорогу другим грехам (в первую очередь гневу и распутству) и ведет к утрате человеческого облика (раздувшийся живот, помутневшие глаза, несвязная речь, скотское поведение). Более того, эта утрата происходит добровольно; пьянство — сознательный выбор порока¹¹. Плотский облик есть нечто, роднящее человека с Христом, — эта мысль выражена в «Видении...» неоднократно. В 18-й части поэмы повествователь видит, как Петр Пахарь — Христос — въезжает в Иерусалим; Вера поясняет, что Иисус будет сражаться с дьяволом «в куртке Петра Пахаря», «в его шлеме и кольчуге, именуемой *humana natura*». В 19-й части Уилл вновь видит Петра Пахаря, в крови, идущего с крестом, и получает разъяснение от Совести: «Это герб Петра, его цвета и его доспехи; однако тот, кто идет [здесь] в крови, есть Христос со Своим крестом, защитник христиан».

Пища не «плоха» и не «хороша» сама по себе, пока служит человеку для поддержания сил (хлеб, по сути, и есть синоним еды), а не является предметом поклонения. Отдельно надлежит отметить также и представление о Чревоугодии (*Gloton*), несколько отличающееся от современного понимания. В средневековых текстах — и У. Ленгленд здесь не исключение — чревоугодие в значении «переедание, обжорство» чаще фигурировало как своего рода довесок к пьянству, осуждаемому еще апостолом Павлом.

Дела плоти известны; они суть: прелюбодейание, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, [соблазны], ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное (Гал. 5).

Практически вся излагаемая Чревоугодием сцена — описание попойки и ее последствий; лишь в самом конце исповеди заходит речь о том, что Чревоугодие слишком долго засиживается за столом и вкушает в пост чересчур тонкие яства. С вероятностью, в культуре, где люди в принципе редко ели досыта (а эль и пиво, напротив, были достаточно дешевы и об-

¹¹ См., например: «Жалок одержимый бесом, а упившийся, хотя терпит то же, не достоин сожаления, потому что борется с произвольно накликаемым бесом» [23].

щедоступны), возможность предаваться греху объедения была невелика. Если чревоугодие в современном смысле слова и становилось предметом осуждения, то, как правило, имелось в виду, что чревоугодники расточают плоды чужих трудов или тратят на изысканную кухню средства, которые могли бы употребить на благотворительность. Чревоугодие в весьма натуралистичных подробностях описывает последствия своей неумеренности и сожалеет, что пропало даром столько добра, которое можно было бы раздать нуждающимся. Ср. в части 14:

Ибо много веселья у богатых, у которых есть еда и одежда, [как] много веселья в мае у диких животных; и продолжается их радость, пока длится лето, а бедняки к середине лета ложатся спать без хлеба, и зимой им еще хуже, потому что они ходят с мокрыми ногами, больные, голодные, терпя постыдные упреки и нападки от богачей, так что жалостно это слышать.

Возникает еще одна важная тема «Видения...» — лицемерие, отсутствие деятельной христианской любви (о чем ниже, в связи с частями 10 и 13), которое тоже зачастую оказывается связано с пищей, как телесной, так и духовной.

В 7-й части поэмы герои, принеся покаяние, решают отправиться в паломничество к святой Истине (точнее, святому), однако сбиваются с пути, и на помощь им приходит Петр Пахарь: он соглашается проводить их, если они помогут ему вспахать поле. Часть паломников принимается за работу, однако некоторые предпочитают бездельничать, пить эль и распевать песни. Когда Петр упрекает их, предупредив, что они не получают еды, если не станут работать, они притворяются немощными. Тогда на помощь Петру является Голод и набрасывается на лентяев.

«Никогда я не трудился, — ответил Мот, — и впредь не стану». Он смеялся над законом и над рыцарем, говорил, что Петр и его плуг не стоят и горошины, и грозил его людям, если они однажды встретятся вновь. «Клянусь спасением души, я позабочусь о том, чтобы ты был наказан», — сказал Петр и воззвал к Голоду, который услышал его немедля. <...> «Оставь их, чтобы они питались со свиньями или ели хлеб, сделанный из гороха и отрубей», — сказал Петр. Лентяи и бездельники в тревоге побежали и стали махать цепами

от зари до зари, пока Голод не смягчился и не оставил их с горшком гороха, который приготовил Петр.

Петр Пахарь (пока еще повествователь не знает, что это сам Христос) изгоняет голод, приставляет паломников к работе и справедливо распределяет еду. Предоставить людям, всем без исключения и даром, «поле» и «орудия» для труда и есть суть божественной любви, означающей, что в мир пришло спасение; однако человек сам может отказаться от предлагаемой ему благодати и навлечь на себя беду — как нерадивый крестьянин рискует остаться без урожая. Петр Пахарь сетует:

Лишь несчастья делают их кроткими и заставляют работать из желания пищи. Однако они — братья, которых Христос выкупил Своей кровью, и Истина некогда научила меня любить всяких людей и помогать тем, кто в нужде.

«Есть со свиньями» — несомненная отсылка на притчу о блудном сыне. И в данном случае поведение паломников, не желающих работать, соответствует ее толкованию, а именно: люди смотрят на Божии дары как на то, что Бог обязан им дать, и желают получить все блага немедленно, вместо того чтобы потрудиться и обрести «имение» в будущей жизни. Духовное состояние человека, отпавшего от Бога, может быть уподоблено расточительству; недаром главный противник Петра Пахаря в этом эпизоде носит имя не Лентяя (например), а Мота / Расточителя. Когда блудный сын прожил все, «настал великий голод» (Лк. 15: 14), и он оказался вынужден пойти с сумой и наняться в свинопасы. Хлеб и образ пиршества есть и в этой притче. «Сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода» (Лк. 15: 17), вспоминает блудный сын, осознав собственную бедность; «а отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться!» (Лк. 15: 22–23). Горox и «лошадиный хлеб»¹² у Ленгленда — аналог рожков, которыми был бы рад подкрепиться блудный сын.

12 Этот хлеб пекли из смеси ржи, толченого гороха и отрубей, иногда только из гороха и отрубей — им кормили лошадей, а в голодные годы ели сами, как делает это и Петр Пахарь.

Грех — состояние постоянного голода, ненасыщения (даже если питаться жирной и сытной пищей); заметим, что Чревоугодию, в описанном выше эпизоде, всегда мало. Тот, кто не утратил связи с Богом, рад даже самой бедной снеди¹³, а утративший ест ее только в наказание (и лишь в качестве такового и воспринимает). Простой и скудной еды праведнику достаточно, поскольку хлеб есть то, что спасает от голода — телесного и душевного — и не превращает человека, подобие Христа, в неразумного потребителя земных благ. В качестве примеров У. Ленгленд приводит и жития святых: Павла Отшельника кормил ворон, святого Эгидия поила своим молоком олениха, апостол Андрей добывал себе пропитание рыбной ловлей, Мария Магдалина питалась кореньями и росой (согласно «Золотой легенде»). У. Ленгленд бросает упрек монахам, которые не следуют примеру святых: «Есть у вас похлебка, и достаточно хлеба, и жидкий эль для питья, и трапеза из одного блюда, и этого должно быть довольно для вас, монахи, и так гласит ваш устав»¹⁴. И т. д.

В то части «Видения...» дама Ученость (dame Studie), супруга Разума (Wit), описывает пирующих лицемеров, у которых Бог, буквально, находится «во рту» — как и еда, которую они неумеренно поглощают:

Когда менестрели замолчат, и они заговорят о Троице <...> пожирая Бога, при переполненном брюхе, в то время как измученные нуждой кричат и вопиют у ворот, страдающие от голода и жажды, дрожащие от холода. Но там никто не призовет их, не облегчит их нужду, но будут гнать их, как собак, и отпугивать прочь. <...> не будь бедные люди милосерднее богатых, нищие отправлялись бы спать с пустым желудком. Бог часто во рту этих знатных господ, но с Его милосердием и Его делами встречаешься у простых людей. Так сказано в Псалтыри, и я часто это видела: «слышали мы, что оно в Евфрате, обрели мы его на поляне в дубраве». Священники и всякие другие люди охотно говорят о Боге, Он у них часто во рту, а у простых людей — в душе.

13 Петр Пахарь описывает обычную диету бедняка: незрелый сыр, овес, хлеб с отрубями, травы и коренья, овощи; он не может позволить себе даже ячичницу или солонину.

14 К примеру, устав святого Бенедикта позволял монахам иметь на столе лишь два горячих блюда: братьям предписывалось всеми силами избегать излишеств, несовместных с образом христианина, в том числе пищи, пробуждающей плотские страсти.

Продолжение этой темы мы находим в части 13. Повествователя приглашают отобедать со Священством; этот пир, на котором в качестве почетного гостя присутствует доктор богословия, несомненно, мощная сатира, изображающая моральное банкротство того института, который должен распространять на земле Слово Божье. Об этом У. Ленгленд с глубочайшей мукой пишет не раз на протяжении поэмы. Откровенное обжорство доктора делает очевидной пропасть между жизнью, которую он ведет, и содержанием его проповедей. Совсем недавно ученый муж держал речь о смиренном принятии лишений, а теперь он сидит за столом, досыта наедается и не питает никакого сочувствия к беднякам. Доктор и Священство (Clergie) помещаются за почетным столом, а Терпение вместе с Уиллом — сбоку. Однако толстый краснощекий доктор, попивающий вино, и обильная снедь, которую он поглощает, призваны не просто проиллюстрировать читателю мирское преуспевание лицемеров. Рядом с ним трапезничает Уилл, и перед нами не что иное, как реализация августианской метафоры познания: священный текст можно попробовать на вкус, разжевать, проглотить.

Потом Совесть позвал, и пришло Писание и попотчевало нас благоданнкими порциями Августина, Амвросия и четверых евангелистов — «ешьте и пейте, что у них есть». Но доктор и его слуга не стали бы ужинать такими вещами — они поглощали супы и густые рагу, пожирая блюда, которые были добыты несправедливо. <...> Затем Совесть учтиво попросил Писание принести мне и Терпению кусок хлеба. Оно положило перед нами кислую краюху. «Покайтесь», — сказала оно, и я ответил: «Пока я живу, пока есть жизнь в моем теле». <...> Потом подали еще еду: «смилуйся надо мной», и «блажен человек», и «блаженны те, чьи грехи покрыты» на подносе под названием «исповедаю Господу преступления мои». «Дайте еще еды Терпению», — кротко попросил Совесть, и Терпению принесли другую порцию — «за то помолится Тебе каждый праведник». <...> [Доктор] поедал много вкусных блюд — рагу, пудинги, рубец, свиной студень и яичницу. Я заговорил сам с собой, но Терпение меня услышал: «Не прошло и четырех дней с тех пор, как этот человек рассуждал пред настоятелем [собора] святого Павла о муках, которые терпел апостол Павел — о голоде и жажде, об ударах бичей, «от Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного», и проч. Но эти проповедники никогда не видят того, что ясно выразил Павел в своем послании — что лжебратья

есть источник опасности... <...> хотя они говорят о страданиях, которые идут душе на пользу, и о страстях и муках, которые вынес Христос за людей. Вот, этот пожирающий Бога толстощекий чревоугодник не имеет жалости к беднякам и творит зло. Он должен сам исполнять то, что проповедует» <...>. Но Терпение понял мои намерения и жестом велел мне сохранять спокойствие. «Подожди, брюхо накажет его, и он станет отдуваться при каждом слове и зевать, и кишки у него будут стонать и ворчать; он выпил так много, что станет клясться и доказывать своим апокалипсисом¹⁵ и страстями святого Эвери, что бекон, студень, пудинг и рагу — это не рыба и не мясо, а еда кающегося <...> «Поступать хорошо»¹⁶, — сказал доктор, взял чашу и выпил, — значит не вредить братьям христианам, если только можно». «Клянусь, сэр доктор, — сказал я, — ты уж точно не “поступаешь хорошо”, поскольку ты вредишь нам обоим, уплетая пудинг, рагу и другие блюда, в то время как мы не получили ни куска».

Всякое принятие пищи в пространстве аллегории сакрально, поскольку создает возможность для соприкосновения с Богом (как, впрочем, и любое другое действие). Познание Бога есть принятие Его в себя, как это происходит во время причастия; а вкушая пищу, человек в то же время вкушает и знания — или «пожирает» их, не усваивая. Представление о Христе как о Слове и Хлебе («Я емь хлеб жизни», Ин. 6: 48) в средневековом сознании создавало сплошной контекст ассоциаций, которые позволяли воспринимать написанное / сказанное как питание для души. Подробности сцены на пиру демонстрируют, каким образом слово становится духовной

15 Т. е. апокалипсисом чревоугодника, *Aposcalypsis Goliae* (у М.Л. Гаспарова — «Откровение Голиафово», в пер. Л. Гинзбурга — «Апокалипсис Голиарда»; этимология слова неясна, одна из версий его происхождения — от лат. *gula*, «чревоугодие»). Это сатирическая латинская поэма XII в., обличающая лицемерие священнослужителей:

Пьянствуя, лакомясь сладкими блюдами,
стали отцы пресвятые Иудами!
Паства без пастыря бродит во тьме,
ибо у пастыря блуд на уме!

[25, с. 456]

16 Do-wel (поступай-хорошо) — персонаж, на поиски которого пускается повествователь, надеясь понять, что значит быть христианином. По У. Ленгленду, это первая стадия христианской жизни, равно доступная ученым и неученым; она предполагает принятие догматов Символа веры, признание своих грехов, правдолюбие, честный труд, умеренность — «и это будет вполне хорошо».

пищей: само Святое Писание прислуживает за столом. То, что намечено как социальная сатира, начинает читаться также и как критика ложного знания — и это очередная сквозная тема «Видения...», предмет серьезных споров между повествователем и встречающимися ему персонажами. Так, в части 10, дама Ученость негодуяще говорит:

Такие доводы они приводят, эти блистательные господа, и заставляяют заблуждаться тех людей, которые над ними размышляют, но у Воображения есть ответ на сей счет. Августин ответил спорщикам: *Non plus sapere quam orortet*. Не пытайтесь постичь, отчего Бог позволил Сатане совратить Его семя, но преданно верьте в мудрость святой Церкви и молитесь Богу о прощении и покаянии в этой жизни, и о Его великой милости, чтобы исправить свою жизнь здесь. <...> Все было, как Ты пожелал, Господи, слава Тебе! И всегда будет, как Ты хочешь, как бы мы ни спорили. А кто прибегает к этим хитростям, чтобы мутить людям разум — чем отличается «поступай-хорошо» от «поступай-лучше» — тот пусть оглохнет <...> если только не станет вести жизнь, подобающую «поступай-хорошо». Бьюсь об заклад, что никогда он этого не сделает...

Доктор богословия, уплетающий рубец, «бланманже»¹⁷ и свиной студень — жирную и тяжелую пищу, — представляет собой нравственно-го чревоугодника, «объевшегося» книжным знанием, в отличие от Терпения, которое «ест» покаянный стих из Матфея («и говорит: покаяйтесь», Мф. 3: 2). Аллегорическое прочтение текста «Видения...» в данном случае помогает понять, что лично прочувствованный путь к Богу предпочтительней «теоретического», не основанного на практике; черствый хлеб искреннего раскаяния питает душу лучше, чем академическое богословие. Чтение священных текстов приносит пользу лишь тогда, когда человек выстраивает сообразно им свою жизнь. Богословский спор о том, что значит *Do-wel*, заканчивается словами Терпения: наилучший способ постичь это — любить собственную душу, Бога и своих врагов. Доктор возражает:

17 В эпоху У. Ленгланда — блюдо из курицы или рыбы. Это было популярное в средневековые лакомство, см. у Чосера: "For blankmanger, that made he with the beste" [29, p. 12].

Это глупость <...> нелепая байка; вся мудрость мира и вся сила храбрых мужей не способны установить мир между [?]¹⁸ и его врагами, и между двумя христианского королями не может ни один человек установить мир так, чтобы это было выгодно обоим.

Таким образом, чревоугодие соединяется здесь с интеллектуальной гордыней и циничным безверием. Духовная пища, как и телесная, призвана поддерживать жизнь; но доктор богословия во всех отношениях заставляет голодать бедняков, лишая их и верно истолкованной истины Писания, к которой он имеет доступ как ученый, и реальной еды.

Вскоре после этого повествователь встречает Деятельного Хокина (Haukyn the actif man), который продает нечто под названием wafers. Это слово означает и вафли / галеты из пресного теста, и облатки, употребляющиеся при причастии. В этом каламбуре повседневный и сакральный смыслы хлеба сведены воедино.

Не получаю я даров от знатных лордов за хлеб, что приношу им — [моя единственная награда] только благословение по воскресеньям, когда священник просит людей прочесть «Отче наш» ради Петра Пахаря и его сторонников. Я деятельный человек и ненавижу праздность; для всех честных тружеников, кто возделывает землю, от одного Михайлова дня до другого я пеку мои [wafers].

Хокин продолжает дело Петра Пахаря, снабжая людей жизненно необходимой пищей (без его изделий люди останутся голодными, а священник не сможет совершить таинство пресуществления); однако из самого его образа жизни (он «менестрель» и странствующий торговец) проистекает неизбежность греха. И, в свою очередь, это влечет за собой еще одну важную тему «Видения...»: Христос пришел, чтобы спасти грешных. Плащ Хокина запачкан грехом; и он, и доктор богословия играют важную роль в путешествии Уилла к самопознанию, поскольку оба, вероятно, в чем-то напоминают его самого. Но, в отличие от доктора богословия, в конце части 14-й Хокин раскаивается, знаменуя тем самым духовный про-

¹⁸ В оригинале, очевидно, пропущено слово. Переводчик издания 2014 г. предположил, что речь здесь идет о папе римском [27, p. 179].

гресс главного героя, в то время как самодовольного обжору надлежит оставить в прошлом.

«И я снабжу тебя тестом, — сказал Терпение, — хоть не пахал плуг, и мукой, чтобы кормить людей, которая лучше всего для души, хоть никогда не росло ни зерно, ни виноград на лозе. Для всех, кто живет, пропитание я найду, и никто не будет испытывать недостатка в том, что ему нужно <...>». Тогда усмехнулся Хокин и с божбой ответил: «Клянусь Господом нашим, тот, кто тебе поверит, полагаю, не будет знать блаженства». «Не так», — терпеливо ответил Терпение и достал из кармана пищу великого достоинства, для всех животных, и сказал: «Смотри — пропитания достаточно, если вера наша истинна. Ибо не посылают жизнь, если нет пищи, которой можно жить <...>». Обозрел я еду, которую так хвалил Терпение, и увидел там часть «Отче наш» — «да будет воля твоя». «Возьми, Хокин, — сказал Терпение, — и ешь сие, когда голоден, или когда дрожишь от холода, или иссыхаешь от жары; не опечалит тебя ни гнев знатных лордов, ни тюрьма, ни страдания, ибо *patientes vincunt*. И потому будь благоразумен в речах и взглядах, в еде, и поведении, и во всех пяти чувствах, не заботься о пшенице, не желай льняной одежды, не тревожься о еде, не бойся смерти, но умри, если пожелает Бог, от голода ли, от жажды, как будет Его воля <...>».

«Так трудно, — сказал Хокин, — жить и не делать греха. Грех вечно преследует нас», — сказал он и сильно опечалился, и стал проливать слезы и оплакивать все случаи, когда сделал что-то, что было не по нраву Богу; он терял сознание, и рыдал, и раскаивался, что имел землю во власти, больше или меньше, или господствовал над людьми, помимо себя самого. «Я был недостоин, Бог свидетель, — сказал Хокин, — носить больше одежды, нежели рубаха и чулки, [нужные], дабы прикрыть тело от стыда», — сказал он и стал просить о милости, и рыдал, и плакал; и на том я проснулся.

Wafers, приготовленные Деятельным Хокином из зерна, посеянного Петром Пахарем, должны стать самой важной пищей как для отдельного человека, так и для всего общества. Однако герои, собравшиеся в Церкви Единства, так и не принимают причастия, и Совесть вновь отправляется на поиски Петра Пахаря, по сути, заменив в этом повествователя, — поскольку его совесть теперь вполне осведомлена, кого ей надлежит искать.

Список литературы

Исследования

- 1 *Гаспаров М.Л.* Клерикальные жанры: [Латинская литература] // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 503–507.
- 2 Евхаристия // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/348067.html> (дата обращения: 14.02.2020).
- 3 *Матюшина И.Г.* Возрождение аллитерационной поэзии в позднесредневековой Англии // Проблема жанра в литературе средневековья / отв. ред. А.Д. Михайлов. М.: Наследие, 1994. С. 175–228.
- 4 *Никола М.И.* «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда: своеобразие жанра // Метод и жанр в зарубежной литературе / ред. Н.П. Михальская. М.: Московский гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1979. Вып. 4. С. 38–48.
- 5 *Adamson M.W.* Food in Medieval Times (Food through History). Westport: Greenwood Publishing Group, 2008. 288 p.
- 6 *Aers D.* Beyond Reformation? An Essay on William Langland's Piers Plowman and the End of Constantinian Christianity. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2016. 280 p.
- 7 *Aers D.* Piers Plowman and Christian Allegory. London: E. Arnold, 1975. 141 p.
- 8 *Albala K., Eden T.* Food and Faith in Christian Culture. New York: Columbia University Press, 2011. 272 p.
- 9 *Astell A.W.* Political Allegory in Late Medieval England. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 232 p.
- 10 *Bynum C.D.* Fast, Feast, and Flesh: The Religious Significance of Food to Medieval Women. Berkeley: University of California Press, 1987. 444 p.
- 11 *Clopper L.M.* Songes of Rechelesnesse: Langland and the Franciscans. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997. 288 p.
- 12 *Clutterbuck C.* Encounters with God in Medieval and Early Modern English Poetry. London: Routledge, 2017. 238 p.
- 13 *Crawford J.* Allegory and Enchantment: An Early Modern Poetics. Oxford: Oxford University Press, 2017. 256 p.
- 14 *Hammond P.* Food and Feast in Medieval England. Stroud: Sutton Publishing Ltd., 2005. 232 p.
- 15 *Marshall C.* William Langland: Piers Plowman. Liverpool: Liverpool University Press, 2000. 123 p.
- 16 *Newhauser R.G.* A Cultural History of the Senses in the Middle Ages. London: Bloomsbury Academic, 2016. 288 p.
- 17 *Patch G.K.* The Allegorical Characters in Piers Plowman. Stanford: Stanford University, 1957. 506 p.
- 18 *Piera M.* Forging Communities: Food and Representation in Medieval and Early Modern Southwestern Europe. Fayetteville: University of Arkansas Press, 2018. 300 p.

- 19 The Penn Commentary on Piers Plowman: in 5 vols. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006–2011.
- 20 William Langland's Piers Plowman: A Book of Essays / ed. by Kathleen M. Hewett-Smith. Hove: Psychology Press, 2001. 261 p.
- 21 Woolgar C.M., Serjeantson D., Waldron T. Food In Medieval England: Diet and Nutrition (Medieval History and Archaeology). Oxford: Oxford University Press, 2009. 364 p.

Источники

- 22 Блаженный Августин. Исповедь / в пер. М.Е. Сергеевко. СПб.: Наука, 2013. 371 с. (Серия «Литературные памятники»).
- 23 Василий Великий. На упивающихся. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/Besedi/14 (дата обращения 16.02.2020).
- 24 Ленгленд У. Видение Уилльяма о Петре Пахаре / пер., вступ. ст. и прим. акад. Д.М. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 276 с.
- 25 Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 23. М.: Худож. лит., 1974. 575 с.
- 26 Langland's Vision of Piers the Plowman: An English Poem of the Fourteenth Century, Done Into Modern Prose / trans. by Kate M. Warren. London: T. Fisher Unwin, 1895. 140 p.
- 27 Piers Plowman. A Modern Verse Translation / trans. by P. Sutton. Jeffercon: McFarland & Company, 2014. 323 p.
- 28 S. Aurelii Augustini Opera Omnia. Available at: <https://www.augustinus.it/latino/discorsi/index2.htm> (Accessed 17 February 2020).
- 29 The Complete Works of Geoffrey Chaucer Edited from Numerous Manuscripts by the Rev. W.W. Skeats. Oxford: Clarendon Press, 1900. 704 p.
- 30 The Vision and the Creed of Piers Ploughman: in 2 vols. / ed. by Thomas Right. London: Reeves and Turner, 1887. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/43660/43660-h/43660-h.htm> (Accessed 08 January 2020).

References

- 1 Gasparov, M.L. "Klerikal'nye zhanry: Latinskaia literatura" ["Clerical Genres: Latin Literature"]. *Istoriia vsemirnoi literatury: v 8 t.* [History of World Literature: in 8 vols.], vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 503–507. (In Russ.)
- 2 "Evkharistiia" ["Eucharist"]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/348067.html> (Accessed 14 February 2020). (In Russ.)
- 3 Matiushina, I.G. "Vozrozhdenie alliteratsionnoi poezii v pozdnesrednevekovoi Anglii" ["Alliteration Verse Revival in the Late Medieval England"]. Mikhailov, A.D., editor. *Problema zhanra v literature srednevekov'ia* [Genre Issue in the Medieval Literature]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 175–228. (In Russ.)
- 4 Nikola, M.I. "Videnie o Petre Pakhare' Uil'iama Lenglanda: svoeobrazie zhanra" ["William Langland's 'Vision of Piers Plowman': Singularity of the Genre"]. *Metod i zhanr v zarubezhnoi literature* [Method and Genre in the World Literature], issue 4, ed.

- N.P. Mihal'skaia. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. V.I. Lenina Publ., 1979, pp. 38–48. (In Russ.)
- 5 Adamson, Melitta Weiss. *Food in Medieval Times (Food through History)*. Westport, Greenwood Publishing Group, 2008. 288 p. (In English)
- 6 Aers, David. *Beyond Reformation? An Essay on William Langland's Piers Plowman and the End of Constantinian Christianity*. Notre Dame, University of Notre Dame Press, 2016. 280 p. (In English)
- 7 Aers, David. *Piers Plowman and Christian Allegory*. London, E. Arnold, 1975. 141 p. (In English)
- 8 Albala, Ken, Eden, Trudy. *Food and Faith in Christian Culture*. New York, Columbia University Press, 2011. 272 p. (In English)
- 9 Astell, Ann W. *Political Allegory in Late Medieval England*. Ithaca, Cornell University Press, 1999. 232 p. (In English)
- 10 Bynum, Caroline Walker. *Fast, Feast, and Flesh: The Religious Significance of Food to Medieval Women*. Berkeley, University of California Press, 1987. 444 p. (In English)
- 11 Clopper, Lawrence M. *Songs of Rechelesnesse: Langland and the Franciscans*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1997. 288 p. (In English)
- 12 Clutterbuck, Charlotte. *Encounters with God in Medieval and Early Modern English Poetry*. London, Routledge, 2017. 238 p. (In English)
- 13 Crawford, Jason. *Allegory and Enchantment: An Early Modern Poetics*. Oxford, Oxford University Press, 2017. 256 p. (In English)
- 14 Hammond, Peter. *Food and Feast in Medieval England*. Stroud, Sutton Publishing Ltd., 2005. 232 p. (In English)
- 15 Marshall, Claire. *William Langland: Piers Plowman*. Liverpool, Liverpool University Press, 2000. 123 p. (In English)
- 16 Newhauser, Richard. *A Cultural History of the Senses in the Middle Ages*. London, Bloomsbury Academic, 2016. 288 p. (In English)
- 17 Patch, Gertrude Keiley. *The Allegorical Characters in Piers Plowman*. Stanford, Stanford University, 1957. 506 p. (In English)
- 18 Piera, Montserrat. *Forging Communities: Food and Representation in Medieval and Early Modern Southwestern Europe*. Fayetteville, University of Arkansas Press, 2018. 300 p. (In English)
- 19 *Piers Plowman. A Modern Verse Translation*, trans. by P. Sutton. Jeffercon, McFarland & Company, 2014. 323 p. (In English)
- 20 *The Penn Commentary on Piers Plowman: in 5 vols*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2006–2011. (In English)
- 21 *William Langland's Piers Plowman: A Book of Essays*, ed. by Kathleen M. Hewett-Smith. Hove, Psychology Press, 2001. 261 p. (In English)
- 22 Woolgar, Chris, Serjeantson, Dale, Waldron, Tony. *Food In Medieval England: Diet and Nutrition (Medieval History and Archaeology)*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 364 p. (In English)